

Виктор И. КОСИК*

БАЛКАНЫ, В. Н. ШТРАНДМАН И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ABSTRACT: The text associated with the delineation of a number of Balkan stories, mostly military time, and is based largely on the recollections of a Russian diplomat Strandman.

KEY WORDS: Balkans, the First world war, Strandman, Hartwig, Pashich, Russia, Bulgaria, Serbia, Macedonia, Montenegro, nationalism

Великой или Германской войне, как часто называли в России Первую мировую войну, посвящены тысячи различного характера публикаций, вносящих свой вклад в изучение ее истории, сопряженной с началом всего XX столетия с ее балканскими войнами.

Именно Балканы традиционно стали очередным театром военных действий для России и самих стран балканского региона.

Напомню, что если XIX век принято гордо именовать временем национальных движений, то для России это будет время, когда, судя по словам профессора Московского университета Виктора Георгиевича Карасева, Балканы стали камнем на шее России. Я бы сказал несколько иначе, Балканы – это крест России, принесшей себя в жертву славянам. По иному и трудно представить другую историю великой православной державы, самодержцы которой неоднократно вступались за своих братьев по вере, языку, этносу. Сама политическая история балканских православных стран, политика России на Балканах неоднократно были и являются предметом исследований историков, прежде всего славянских. Свое горькое слово здесь сказал и Ф. М. Достоевский¹.

* Аутор је доктор историјских наука у Институту за славистику РАН у Санкт Петербургу.

¹ *Достоевский Ф. М.* ПСС в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 79.

Оно известно всем и может восприниматься как пророческое в определенных ситуациях. Однако его трудно подверстать под всю историю балканских славян.

Но, заглядывая в наше время, замечу, что Болгария ли, Сербия ли – основные соперники в балканских войнах – по своим географическим очертаниям напоминают крыло бабочки. Именно одно крыло, так как в процессе времени они так и не смогли восстановить второе, чтобы вернуть бывшее могущество.

Где, откуда, на ком и на чем вина? Трудные вопросы. Но один из ответов я знаю – это национализм. Это довольно сложное явление: он вечен и просматривается в самых различных явлениях в истории человечества, вплоть до антисемитизма.

Например, свойственен и титульным нациям в мультинациональных государствах и небольшим странам и народам, в которых сохранилась в высокой степени памяти о былом величии.

Первая мировая война тоже может быть охарактеризована как схватка болгарского и сербского национализмов, точнее, как борьба за македонские земли, когда в Софии стремились взять реванш за проигранную вторую межсоюзническую войну, а в Белграде защитить „свое”.

Конечно, власти в Софии делали самые успокоительные заявления о том, что „Болгария никогда и ни при каких условиях не присоединится к лагерю, воюющему против России, и не займет Македонию или Добруджу”, не сговорившись предварительно с Петербургом.

Однако в это трудно было поверить, пока в правительстве заседали лица, не раз заявлявшие о необходимости отхода от России и союза с Австро-Венгрией².

Можно напомнить, что в начале августа 1914 г. русское правительство запросило Софию относительно ее планов. И что же? Как писал позднее Р. Пуанкаре, „король не принял на себя никаких обязательств. Он сослался на свое правительство, с которым он, однако, обычно мало считается. В свою очередь председатель совета министров сослался на короля. Фердинанд и его соратники остаются верны себе. Их двуличие, несомненно, сулит нам сюрпризы”³.

И в то же время ситуация была слишком сложной, чтобы упрекать только Софию и короля Фердинанда. Так, 1 сентября 1915 г. Россия с союзниками заявили в последний раз Софии, что они готовы га-

² Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Д. 1353. Л.227 об. 232.

³ Цит. по: Айрапетов О. Р. Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914–1918 гг.) // *Новая и новейшая история*. № 5. 2003. С. 194.

рантировать после победоносной для них войны уступку ей Сербией македонских земель, отошедших Белграду по договору 1912 г. Эта гарантия обуславливалась бы ручательством Болгарии заключить с державами Антанты военную конвенцию относительно вступления в войну с Османской империей⁴.

Однако эти обещания рассчитаться после войны, в которую надо вступать сейчас, не устраивали Софию, особенно на фоне побед немецкого оружия.

Болгарскую позицию можно попробовать понять, если знать, что в Софии одну из главных причин своих несчастий болгарские националисты видели в „злокозненности русской дипломатии“:

„Россия, – говорят они, – была арбитром между нами и сербами. Ее подпись скрепляла наш договор с ними. И, однако, что сделала она, когда сербы отказались от этого договора и предъявили нам свои ни на чем не основанные требования? Одного ее слова было бы достаточно, чтобы образумить сербов, но она не только не сказала этого слова, но, напротив, устами покойного Гартвига, как будто поощряла сербские претензии. И когда в результате этих претензий разразилась война, Россия не сделала ничего, чтобы остановить набросившихся на нас турок и молчаливым свидетелем присутствовала при нашем ограблении в Бухаресте и Царьграде. Нас карали за “непослушание”, но самая беспощадность кары доказывала, что дело было не только в непослушании. Нам мстили за дерзкое поползновение на независимость, за Родосто и Адрианополь, за наши мечты о “великой Болгарии”, создание которой не входило более в планы русской дипломатии. Нас приносили в жертву “великой Сербии”... Можем ли мы после этого горького опыта доверять России, когда она обещает нам какие-то неопределенные “компенсации, широко отвечающие нашим национальным aspirations?””⁵

В Софии были готовы ради успеха дела „национального объединения” пойти в „объятия” Тройственного союза. И здесь, безусловно, играло свою роль то обстоятельство, что Россия в войне поддерживала Сербию, соперницу и „обидчицу” болгар в македонском вопросе.

Именно этот „ящик Пандоры” рисовал в своих воспоминаниях Василий Николаевич Шtrandман (20. 04. 1877, По, Франция – 18. 11. 1963, Вашингтон, США), автор воспоминаний „Балканске успомене”, (Београд, 2009).

Вначале немного истории. Рукопись его воспоминаний, разыскиваемая долгое время, была в 1996 г. обнаружена А. А. Соловьевым, сотрудником Библиотеки Конгресса, в Бахметьевском архиве Колумбий-

⁴ Иностранное обозрение // *Вестник Европы*. № 11 1915. С. 349.

⁵ Калина И. Из Болгарии // *Вестник Европы*. № 2. 1915. С. 295–296.

ского университета. О его находке стало известно другим исследователям.

В итоге, известный своими трудами по русскому зарубежью в Королевстве СХС русский историк Иоанн Николаевич Качаки, живущий в Голландии, выкупил фотокопию мемуаров Штрандмана, получив согласие директора архива Р. Вортмана на перевод и издание первой части воспоминаний на сербском языке, что и было выполнено по прошествии нескольких лет. Вторая часть, которая должна охватывать 1919–1944 гг., пока не обнаружена.

Книга открывается обширным предисловием, вернее, вводной статьей И. Н. Качаки. В ней излагается история поисков рукописи, приводится подробная биография В. Н. Штрандмана, очерчивается дипломатическая деятельность на Балканах, подчеркивается его роль защитника русского беженства в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Авторское видение освещаемых сюжетов и проблем придает дополнительную остроту материалу. Многостороннее знание балканской, прежде всего сербской истории и ее проблематики позволило И. Н. Качаки дать объемные и солидные комментарии по тексту самой книги воспоминаний.

Первая часть воспоминаний открывается дневниковой записью Штрандмана. В ней он, следуя завету, полученному в октябре 1921 г. из Парижа от министра иностранных дел России Сергея Дмитриевича Сазонова, подчеркивает, что в своих воспоминаниях он „будет писать только о том, что видел, слышал и знал”, а также станет стремиться дать характеристики известным личностям, с которыми встречался за время своей службы. Касаясь „сильных мира сего”, он отмечал, что „Божием Провидением человеку дан свободный разум и от того как он использует этот святой и бесценный дар Божий зависят судьбы народов”⁶. При этом замечу, что сам автор может быть причислен к сербофилам.

После короткого и весьма интересного предисловия следуют сами воспоминания, охватывающие дипломатическую службу В. Н. Штрандмана в Софии (1908–1909 гг.), в Царьграде и Цетинье (1910–1911 гг.), в Белграде (1911–1913 гг.), в Нише (1914–1915 гг.).

В своих воспоминаниях автор мемуаров выступает как мастер детали. Так, вспоминая свой разговор с премьер-министром Болгарии А. Малиновым, русский дипломат писал, что, по мнению главы болгарского правительства, Болгария должна быть сформирована на Балканах в форме креста с выходом на четыре моря – Черное, Мраморное, Эгейское и Адриатическое⁷. Но в целом описываемый им софийский период

⁶ Штрандман В. Н. *Балканске успомене*. Књ. I. Део 1–2. С. 33, 34.

⁷ Там же. С. 47.

не содержит особо ценной информации, в основном она подтверждает уже известные историкам сведения.

Страницы мемуаров Шtrandмана о своем пребывании в Черногории пестрят живописными картинками природы и быта черногорцев, княжеского двора, храбрости мужчин, отказывавшихся носить униформу, воспринимая ее как знак трусости. Сам король Николай охарактеризован как „отважный вождь своего народа в прошлом. Для него, – как пишет Шtrandман, – как и для всякого черногорца любовь к отечеству была на первом месте”. В то же время, замечал русский дипломат, король не стеснялся прибегать к шантажу для достижения своих целей⁸.

Однако с точки зрения воспроизводства каких-либо дипломатических сюжетов его „черногорские строки” малоинформативны.

Впрочем, картинки из быта, обычаев черногорцев и сербов, их отношение к другим нациям, интересны для историка культуры. В частности, сербских евреев считали „искренними и надежными сербскими патриотами”⁹. Кстати, на еврейском кладбище в Белграде есть величественный памятник евреям отдавшим свои жизни за сербское отечество.

На страницах, посвященных сербско-болгарским отношениям, мелькает калейдоскоп имен, сюжетов, фактов, сведений. Бытовые подробности смешаны с политическими событиями. Имена участников „балканской кухни” -- австрийские, английские, болгарские, немецкие, румынские, русские, сербские, французские, черногорские и др., – вызывают интерес не столько своей „громкостью”, сколько новыми деталями из их „интересного поведения” в предвоенный и военный периоды.

Заслуживает внимания читателя портрет Н. Г. Гартвига, одного из главных персонажей книги Шtrandмана. Пожалуй, ни в одной книге не было столь развернутой и живой картины деятельности этого защитника Сербии, пользовавшегося заслуженно исключительным авторитетом в этой славянской стране и не стеснявшегося в выражениях против тех, кто не разделял его точку зрения, например, министра иностранных дел России С. Д. Сазонова, названного в порыве гнева „негодяем” за его попытку предотвратить надвигающую войну¹⁰. Заслуживает внимания и нестандартная точка зрения Гартвига на то, что создание Балканской федерации, о которой велись разговоры в 1911 г., отвечало бы только интересам Турции. Отмечу, что сербы в целях увековечивания памяти русского дипломата решили переименовать „Београдску улицу”

⁸ Там же. С. 66.

⁹ Там же. С. 119.

¹⁰ Там же. С. 190.

в „Хартвигову”. Причем по техническим причинам эта процедура несколько задержалась и сербы, забыв свое решение, постановили назвать „несчастную” „Београдску улицу” именем немецкого дипломата, но после напоминания одного из старожилов, отменили свое решение, а „Београдска” стала „Хартвиговой”. Однако во время второй мировой войны улица стала носить прежнее название. После войны, как пишет далее И. Н. Качаки, улица стала носить имя коммуниста Бориса Кидрича, а после поражения югославских коммунистов и смены власти улице было возвращено первоначальное название – „Београдска”¹¹.

И сейчас имя Н. Г. Гартвига практически забыто, его помнят только историки, да и то не все.

Разумеется, дается в воспоминаниях обширный и довольно точный эскиз наступательной политики Вены и Берлина. Подчеркивается, что прошли те времена, когда по выражению Бисмарка, Дунай течет в том направлении, которое не отвечает интересам Германии, а Балканы не стоят жизни ни одного прусского солдата.

Воспоминания любого дипломата ценны не только своими свидетельствами о времени, но и документами. И здесь мемуары В. Н. Шtrandмана представляют собой и отличный источник для исследования балканской истории начала XX столетия. В частности, в его книге представлены проекты и планы сербско-болгарских договоров, документальные материалы о позиции России в этом вопросе и о раздвоенности действий глав русской дипломатии в Белграде и Софии, (Шtrandман отмечал, что русский дипломат в болгарской столице А. В. Неклюдов „не любил и не ценил Гартвига, ни как человека, ни как дипломата”¹²), шифрованные телеграммы военного агента в Сербии полковника В. А. Артамонова, министра иностранных дел С. Д. Сазонова, Н. Г. Гартвига, значительно дополняющие картину размышлений русской дипломатии о разрешении балканской проблематики. Даже представлены „злые языки”, придающие живость мемуарам. В частности, подписание сербско-болгарского союзного договора, подписанного царем Фердинандом I не 1/14 марта, как было ранее решено в память этого исторического дня, а 13 марта, расценивалось ими как решение болгарского монарха пойти на нарушение этого договора¹³.

Мемуары интересны и своими отступлениями за Балканы. Так, говоря об обвинениях России, связанных с „империализмом”, или с польским вопросом, В. Н. Шtrandман ядовито замечал, что когда в 1905 г. в российском МИДе были готовы к рассмотрению вопроса о „да-

¹¹ Там же. С. 277, 279–280.

¹² Там же. С. 143.

¹³ Там же. С. 116–117.

ровании польскому народу права самостоятельного политического существования”, то „свободная Франция”, опасавшаяся войны с Австро-Венгрией и Германией, воспротивилась русскому проекту¹⁴.

И, безусловно, точно замечание русского дипломата о том, что на славянских Балканах было сильно убеждение в том, что „русский царь всегда готов защищать стремления балканских славянских братьев, но ему не дают свободы деятельности его министры и окружение”¹⁵.

Касаясь страниц воспоминаний о балканских войнах, то много место автором уделено истории сербского народа, состоянию страны в начале XX столетия. Подчеркивалось, что сербы, как они сами говорили, жили „от сегодня до завтра под страхом нападения соседей”. Но тут уж автор все же преувеличил „сербский страх” перед болгарами, о которых, вероятно, идет речь.

Довольно подробно в воспоминаниях описывается взгляд Западной Европы на ситуацию в балканских странах, само положение в этих землях, отношение к сербско-болгарскому договору среди русской дипломатии, вызывающему самые серьезные опасения как предвестнику войны. Сам Шtrandман рисует обстановку в Сербии и в Болгарии и в Черногории как предвоенную. Так, болгарский премьер-министр говорил Неклюдову, что ему „болгарский народ и армия никогда не простит, если он не использует соглашение трех балканских держав и войну Италии с Турцией”. „Или война или революция в армии”, – утверждал глава болгарского правительства¹⁶. Одновременно отмечена и сдержанная позиция русского МИДа, его стремление к сохранению мира. Интересны и страницы, касающиеся „ястреба” А. И. Гучкова, выдающегося политического и государственного деятеля России, его „подталкивания” к войне „балканских братьев”¹⁷.

В то же время в книге не пропущены ни албанский, ни македонский вопросы, правда, они представлены не так широко, но, во всяком случае, они органично вплетены в ткань воспоминаний.

Балканским войнам посвящена сотня с лишним страниц. Пожалуй, наиболее интересными для меня были сведения, связанные, например, с ведением тайных болгаро-турецких переговоров в марте 1913 г. об остановке Софией наступления на Царьград, с деятельностью „ястреба” Н. Г. Гартвига в этот самый сложный период для Балкан и России, о противнике второй войны болгарском генерале Фичеве, о деталях заключения Бухарестского мира, в частности, о заявлении болгар-

¹⁴ Там же. С. 84–85.

¹⁵ Там же. С. 125.

¹⁶ Там же. С. 168.

¹⁷ Там же. С. 171.

ского делегата знаменитого С. Радева, который после заключения соглашения между болгарами и румынами говорил, что теперь „Болгария покажет сербам и грекам их место”¹⁸, о молодежной акции против бывшего короткое время в Белграде болгарофила П. Н. Милюкова, об албанском вопросе и „ястребе” М. Спалайковиче, о настроениях в сербском народе после одержанных побед в войнах – от союза с Россией до союза Белграда с Лондоном¹⁹.

Собственно о Первой мировой войне отводится автором примерно две сотни страниц, т. е. почти половина книги. Здесь и страницы, связанные со смертью эрцгерцога Франца-Фердинанда, с австро-венгерским ультиматумом Белграду, кончиной Гартвига, с политикой явной и тайной „сильных мира сего”, и, конечно, с деятельностью самого В. Н. Штрандмана. Перечислять можно долго. Остановлюсь на немногом.

Как и прежде весьма полезными являются включенные в текст дипломатические донесения, например, описание кн. М. Гагариным убийства австрийского эрцгерцога, австро-венгерский ультиматум с приложением. Безусловный интерес представляет сама деятельность Штрандмана после вручения ультиматума, разговоры с властными кругами в Белграде. Это прежде всего относится к его беседе с принцем Александром и совет обратиться за помощью к России, всегда защищавшей Сербию, равно и к самой исторической телеграмме на имя царя за подписью принца, на которой Николай II написал Сазонову: „Очень скромная и уважения достойная телеграмма. Что ему ответить?”²⁰ Уже сами эти царские строки разрушают определенный миф о якобы немедленной реакции царя по защите сербов.

Исключительно важной представляется включенная в текст воспоминаний телеграмма Сазонова Штрандману, в которой говорилось о том, что „Если положение Сербии действительно так беспомощно и нет сомнения в исходе вооруженной борьбы с Австро-Венгрией, то может, было бы лучше, чтобы сербы в случае австрийского нападения вообще не пытались защищаться”, и после своего отступления, позволив врагу занять землю без борьбы, обратиться с призывом о помощи к великим силам. Вопрос о целесообразности передачи содержания этой телеграммы высшим властям Сербии должен был решить сам Штрандман, который, оценив ситуацию, решил не передавать инструкцию, если только этого не потребуют новые обстоятельства²¹.

¹⁸ Там же. С. 219.

¹⁹ Там же. С. 232, 233.

²⁰ Там же. С. 303.

²¹ Там же. С. 309.

Глава читается с неослабевающим интересом. Здесь и ответ Белграда на ультиматум и строки об уверенности малочисленной сербской армии в победоносный исход предстоящей войны с австрийцами.

Также Шtrandманом приведена интереснейшая переписка между Петербургом и Белградом, в том числе помещена известная телеграмма Николая II принцу Александру о необходимости прилагать все усилия к мирному исходу и уверения, что „Россия ни в коем случае не останется равнодушной к судьбе Сербии”.

Правда, тот же Пашич обратил внимание только на заверение царя о помощи, а не на необходимость добиваться мирного разрешения конфликта. Да и помощь России необязательно должна была быть военной.

Сами сербы, особенно после царской телеграммы были готовы вступить в борьбу с австрийцами. В вопросе войны или мира верх одерживали пушки.

Для историка первой мировой войны, может быть, будет интересна телеграфная переписка между русским и германским монархами от 28 июля до 1 августа и описание Шtrandманом той напряженной атмосферы, царившей в Санкт-Петербурге в эти дни. Исследователям сербско-болгарских отношений в 1914–1915 гг. мемуары Шtrandмана могут дать новые сведения, расширяющие историческое знание по этой проблематике, тесно связанной с политикой России, готовой в годы войны обеспечить Софии за ее содействие значительное приращение ее территории. В частности, независимо от будущего исхода войны „сразу передать Штип и Кочани с территорией до Вардара”²². Много страниц отведено в мемуарах собственно „балканскому политическому фронту”, где было место и спекуляциям и интригам, торговле территориями и прочими неперенными компонентами (не)дипломатической игры.

Закljučая свой экскурс в Балканы, в балканские воспоминания В. Н. Шtrandмана, могу с уверенностью утверждать, что они представляют собой ценнейший источник по многим темам и сюжетам, связанным косвенно или прямо с временем первой мировой войны, перевернувшей страницу мировой истории.

²² Там же. С. 370–371.

Victor I .KOSIK

THE BALKANS, V.N. STRANDMAN AND WORLD WAR I

Summary

In the text described „Balkan” First world war, combined with the policy of the great powers of Europe. Emphasize the Bulgarian-Serbian political antagonism caused by the question of Macedonian lands, primarily the Bulgarian position. It is shown that Sofia was seen in Russia culprit of their unfulfilled hopes to create a „greater Bulgaria”. Attraction as a source of memoirs of a Russian diplomat Basil Strandman enabled to add to the complex picture of the diplomatic and political actions, have been active participants in the „global game” called the First world war.